

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2023.39.15.040

Влияние темпоральности на функционирование социальных институтов в реалиях современного мира: философский анализ (часть 1)

Равочкин Никита Николаевич

доктор философских наук, доцент,
доцент кафедры педагогических технологий,
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия,
650056, Российская Федерация, Кемерово, улица Марковцева, 5;
профессор кафедры истории, философии и социальных наук,
Кузбасский государственный технический
Университет имени Т.Ф. Горбачева,
650000, Российская Федерация, Кемерово, улица Весенняя, 28;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Максимов Сергей Владимирович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 79;
e-mail: marxserge@mail.ru

Млечко Александр Владимирович

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской филологии и журналистики,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, пр. Университетский, 100;
e-mail: mlechko@mail.ru

Стенина Наталья Александровна

кандидат технических наук, доцент,
декан инженерного факультета,
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия,
650056, Российская Федерация, Кемерово, улица Марковцева, 5;
e-mail: stnat33@mail.ru

Юрьев Роман Александрович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории философии и логики,
Национальный исследовательский Томский государственный университет;
634050, Российская Федерация, Томск, пр. Ленина, 36;
e-mail: yuriev2003@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние темпоральности на функционирование социальных институтов в современных эмпирических контекстах. Выявляются предпосылки и основания резкого перехода к новому восприятию времени. Продемонстрированы взаимосвязи между конструированием социального и темпоральностью. Аргументирован различный характер протекания времени в мировых регионах. Предлагается сделать акцент на особенностях институционального строительства в зависимости от типа темпоральности. Проанализирована специфика детерминационного воздействия китайской цикличности на процессы социального строительства. Приведены примеры, как именно свойственная для китайского общества обращенность в прошлое и функционирующие в интеллектуальном пространстве идеи создают конкретные контуры институциональной архитектоники.

Для цитирования в научных исследованиях

Равочкин Н.Н., Максимов С.В., Млечко А.В., Стенина Н.А., Юрьев Р.А. Влияние темпоральности на функционирование социальных институтов в реалиях современного мира: философский анализ (часть 1) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 312-324. DOI: 10.34670/AR.2023.39.15.040

Ключевые слова

Темпоральность, общество, институт, взаимодействия, культура.

Введение

Начиная с 2020 года человечество вступило в сложный период, обусловленный распространением коронавируса и предпринятыми правительствами изоляционными мерами, в результате чего привычный объем взаимодействия оказался ограничен, бытовая и профессиональная деятельность слились воедино, человечество на фоне «пространственно-временного вывиха» «вернулось домой» [Тищенко, 2020; Шипилов, 2020]. Под влиянием глубинных онтологических трансформаций социального и темпорального изменились все аспекты жизнедеятельности национальных сообществ, в том числе и функционирование институтов, формирующих и обеспечивающих основу стабильности порядка любого государства. Однако ввиду исторической близости к реалиям сегодняшнего дня суть этих изменений остается малоизученной и неисследованной, что существенно затрудняет понимание возможной логики и траекторий институциональных преобразований, что закономерным образом снижает возможности прогнозирования дальнейших социальных трансформаций. Представленное противоречие и попытки его разрешения обуславливают актуальность

выбранной темы исследования.

Целью исследования состоит в проведении компаративистского анализа, направленного на изучение влияния национальной маркированности восприятия времени на функционирование социальных институтов.

Изменения социального времени

На начальном этапе исследования представляется целесообразным обратиться к изучению понятия социального времени. В философском плане значительный вклад в проблематику осмысления восприятия времени внесен Ф. Броделем [Равочкин, Гилязов, Щенников, 2021]:

- 1) Индивидуальное, которое отличается наиболее заметным влиянием смены событий повседневной жизни и характеризуется наибольшей динамичностью, интерпретируемое как «история кратковременных, резких, пульсирующих колебаний» [Бродель, 2002, 20-21]. В одном из распространенных подходов данная разновидность включает время труда и досуга;
- 2) Социальное как история групп и коллективных образований;
- 3) Географическое как «почти неподвижная история, история человека в его взаимоотношениях с окружающей средой; медленно текущая и мало подверженная изменениям история, зачастую сводящаяся к непрерывным повторам, к беспрестанно воспроизводимым циклам» [Бродель, 2002, 20-21].

Иными словами, неоднородность времени налицо, поскольку оно включает в себя различные уровни восприятия временных потоков, отличия между которыми усматриваются в интенсивности протекания и погруженностью индивидов в переживание [Равочкин, Гилязов, Щенников, 2021].

По сути, осознание времени и его различных моментов меняется буквально на протяжении всего хода исторического развития: для первобытного человека времени попросту не существовало, т. е. время было, но человек о нем ничего не знал [Шпенглер, 1998; Чугунова, 2008]; в Античности время было цикличным, а индивиды были сосредоточены на настоящем моменте по принципу «*carpe diem*»; с принятием христианства статичное время сменилось линейным, превратилось в «стрелу, выходящую из вечности и стремящуюся туда же вернуться» [Сапожникова, 2016, с. 140]; приход индустриализации привел к опредмечиванию времени на различных носителях, которое к тому же стало качественным и количественным; наконец, постиндустриальный транзит способствовал «сворачиванию» времени до настоящего и воцарению тотального «сейчас», а также замене историзма презентизмом [Бауман, 2008; Фатенков, 2018; Шипилов, 2020 Кастельс, 2016].

Однако в актуальных контекстуальных реалиях, связанных с беспрецедентным распространением пандемии COVID-19, в мире наметились взаимоисключающие тенденции. Так, результаты многочисленных социологических исследований, проведенных различными авторами в отечественных урбанизированных пространствах, одновременно свидетельствуют о сокращении и об увеличении трудового дня. На наш взгляд, одним из успешных суждений, в котором репрезентированы метаморфозы времени, является мнение Е. М. Шульман: «То, что люди перестанут ходить на работу, парадоксальным образом означает, что они будут работать все время» [Шульман, 2017, 46]. В координатах новой повседневности труд, потребление и досуг сливаются воедино, «диффундируют друг в друга, так что все труднее понять, где/когда в пространственно-временном отношении заканчивается одно и начинается другое» [Шипилов,

2020, 137]. Произошедший «темпоральный вывих» обусловил наступление «террора момента» с сопутствующим ему увеличением роли прошлого (нормального) и будущего (пока неясного и содержащего в себе многочисленные, сплетенные воедино, риски и потенциалы).

Темпоральность и социальное

Восприятие времени выступает основой формирования общественного как такового, которое включает в себя сложностную систему социальных взаимодействий, практик и институтов. «Микроконтакты способны привести к макроэффектам (в социальном плане)» – подобная логика неоднократно доказывала свою действенность, к примеру, в процессах имплементации идей как ментальных конструкторов в общественную практику. В действии подобный подход разворачивается перед нами как сложный со-зависимый интересубъективный мир, конструируемый в результате осуществляемых на регулярной основе взаимодействий между различными акторами, которые выбирают те или иные поведенческие стратегии и принимают решения по поводу преобразований различных сфер коллективного бытия. Стало быть, именно когнитивные схемы и фреймы детерминируют особенности создаваемой в результате взаимодействий социальной реальности: «Можно предположить, что тот сектор мира, который я рассматриваю как неоспоримую данность, является таким же и для вас, моего индивидуального другого, более того, он является таковым для "Нас". Но это "Мы" включает не только меня и вас, но "любого, кто является одним из нас"» [Шюц, 2004, 15].

Достаточно часто индивиды принимают решения или совершают самые различные поступки, руководствуясь сугубо личностными мотивами и ожиданиями, однако при этом оказывается, что содержательно и/или формально подобная активность одобряется и разделяется другими людьми, имеющими сходные характеристики с приведенными нами абстрактными акторами. Это могут быть родившиеся в то же время индивиды или же вовсе относящиеся к тождественным ин- или же референтным группам. Можно согласиться с тем, что социальное представляет собой уникальное «переплетение зависимостей, в пределах которого индивид обретает некоторую сферу свободы для собственных решений и которое одновременно полагает пределы этой сфере» [Элиас, 2002, 44].

С позиции прагматики в процессе интересубъективного контактирования человека интересует не богатый внутренний мир других, то есть накопленный ими экзистенциальный опыт, но образ будущего и варианты достижения некоторого набора целей. Бесспорно, что для достижения задуманного, причем на любом уровне, витальным является взаимодействие с другими, поскольку время в большей степени все-таки является проективно обращенным и устремленным, где доминирует «общий образ будущего, связанного непосредственно с реализацией данной цели» [Головашина, 2016, 44].

Темпоральность, предписывая вполне конкретные ограничения возможностям проявлений индивидуальных и коллективных поведенческих паттернов, накладывает серьезный отпечаток на формирование социальной реальности, соответственно, лучшее понимание особенностей функционирования социальных институтов требует исследований «не структурно-институционального каркаса – скелета социального организма, но на его всеобщих смысловых характеристик - интересубъективной смысловой структуры» [Смирнова, 2009, 11]. Иными словами, категория «социальное» способна выступать как пространством, в котором индивид обладает определенной степенью свободы, так и ограничивающими рамками по отношению к возможностям людей в форме темпоральности.

В логике идеализма государство и его институты могут пониматься как продукт развития сознания. В качестве ключевых этапов, описывающих его эволюцию можно привести следующие:

- 1) Генетический механизм: эволюция, начавшаяся с усложнения структур органических молекул, их последующего соединения в комплексы, постепенно привела к выработке генетического механизма, который позволял адаптироваться к среде, а позднее и приспосабливать контекстуальные реалии под собственные нужды через отбор так называемых «случайно возникших полезных изменений»;
- 2) Развитие интеллекта предопределило социальный успех отдельных индивидов;
- 3) Генезис социальных организаций способствует изменениям функциональной роли входящих в него участников: отныне сетевая природа различных сообществ репрезентирует их не через простые суммативные умения того или иного количества индивидуальных субъектов, но в форме сложного образования с эмерджентными свойствами [Михайлов, 2021, 249];
- 4) Появление выверенных и связанных между собой совокупностей символов трансформировало социальные системы, наделив практики общей памятью, а также, что немаловажно, другими разделяемыми ресурсами и функциями для обработки информации.

Следуя за И.Е. Дискиным и П.В. Пановым, нам представляется целесообразным маркировать первые, связанные еще с движением от потестарных форм социальных институтов к раннегосударственным формам, в качестве наделенных многочисленными когнитивными элементами установлений [Дискин, 2016; Панов, 2011]. Нельзя не отметить, что символические системы сами-по-себе выступают, своего рода, «конструкциями второго порядка», или «конструкциями конструкций», формирование которых неотъемлемо от апеллирования к прошлому. Получается, что если процессы становления и трансформации институтов и практик сопряжены со взглядом личности в будущее и приданием каждому конкретному идеальному гносеологическому замыслу дополнительных атрибутов, то само означивание всегда обращено в прошлое. Применительно к сказанному есть доступное объяснение А. Шюца по поводу того, что время состоит из воспоминаний [Schutz, 1967, 49]. Руководствуясь инструментарием феноменологической традиции в изучении социального можно обнаружить, что даже в самых различных ситуациях, в которых смысл и опыт не связаны между собой, последний всегда воплощает некоторое контекстуальное «осознание переживания», правда, его необходимо определенным образом диагностировать в сложной структуре отношений между опытом фактическим, прошлым и ожидаемым опытом [Schutz, Luckmann, 1973; Головашина, 2016]. Вдобавок к этому, опыт неизбежно будет приобретать новое значение при каждом следующем обращении, стало быть, дополнительные смыслы формируются под влиянием каждого конкретного момента времени, поскольку сама «уникальность человеческого опыта связана с неповторимостью моментов жизни и его необратимостью» [Muzzetto, 2006, 6].

Соответственно, формирование социокультурной реальности осуществляется под влиянием когниции, особенностей мышления, обусловленных, в том числе и восприятием темпоральности. Кроме этого, нельзя забывать, что огромная роль в процессах формирования социальных институтов и практик отводится образу будущего, видению идеального будущего мира. При этом, означивание социальных институтов и практик, придание им дополнительных смыслов всегда опирается на опыт прошлого, но человек не способен совершать действия в прошлом или будущем, настоящее уникально и лишь оно действительно социально активно

[Головашина, 2016, 45]. Иными словами, время в рамках триады «прошлое — настоящее — будущее» принимает активное участие в социальном строительстве, поскольку сам характер практик напрямую зависит от накопленного личностью ранее опыта и желаемых образов будущего.

Принимая во внимание дифференциацию контекстуальных условий, влияющих на неповторимость опыта, темпоральность аксиоматически приобретает национальные особенности. В свою очередь, наличие национально маркированных аспектов миропонимания позволяет предположить, что социальные институты также приобретают уникальные характеристики, вполне возможно, отличительные функции, сформированные под влиянием особенностей культурных моделей, отражающих особенности того или иного мирознания: «Взаимное наложение множества темпоральных ритмов обуславливает неповторимость субъективных проживаний жизни каждым индивидом, а также культурную дифференциацию обществ» [Шевченко и др., 2020, 53-54].

Выходит, понимание социального времени отличается не только на различных этапах исторического развития, но и в различных странах. Каждая культура имеет свое время, свою историю, свою судьбу, свои подходы к пониманию, оцениванию прошлого и будущего. Как отмечает А. Г. Дугин, «абсолютным эмпирическим фактом является то обстоятельство, что в разных обществах люди относятся ко времени по-разному. Одни общества его тщательно измеряют, соотнося с теми или иными природными явлениями, другие о нем имеют самое отдаленное представление» [Дугин, 2011]. Наконец, сегодня для того, чтобы «понять какое-либо сообщество, нам надо узнать, каким временем оно живет» [Головашина, 2016, 46]. Здесь улавливаются референсы к мангеймовским взглядам, поскольку понимание мышления той или иной группы подразумевает возможность исследователя схватить конкретный часовой пояс, в котором ее представители живут и как они воспринимают и осознают это время [Мангейм, 1994].

По мере усложнения общества в его структуре формируется совокупность множественных режимов темпоральности, поэтому возникает необходимость «сверить время», причем это важно не только в путешествиях, но и повсеместно: при взаимодействии с представителями различных культур, в новой компании, в семье, на работе. Стремительно усугубляющаяся мозаичность социального бытия свидетельствует о том, что не только каждая отдельная культура, но и субкультура имеют свои темпоральности. При этом в рамках одного общества различия режимов темпоральности могут нивелироваться, к примеру благодаря наличию общих культурных традиций; вместе с тем эти же дифференциации приводят к существенным отличиям в конструировании социальной реальности.

Любопытно, но в одной из наиболее общих версий трактовки особенностей восприятия социального времени выделяются две основных модели: (1) цикличная, характерная для Античности и восточных культур, а также (2) линейная, сформировавшаяся под влиянием христианства и свойственная для культур западных. Как отмечает Э. Тоффлер, «в одних культурах время циклично – история состоит из бесконечных повторений одной и той же цепи событий. В других культурах, включая и нашу, время – дорога, проторенная между прошлым и будущим, по которой идут народы и общества. Встречаются и такие культуры, в которых человеческая жизнь считается стационарной во времени: не мы приближаемся к будущему, а будущее приближается к нам... Одно общество живет прошлым, другое может быть целиком поглощено будущим» [Тоффлер, 1986, с. 5].

Темпоральность и социокультурная реальность в восточных культурах

Пожалуй, мало у кого возникнут сомнения, что одним из наиболее ярких государств, олицетворяющих культуру Востока, является Китай. Для его жителей характерна цикличная темпоральность. Остановимся подробнее на влиянии такого варианта восприятия времени на особенности конструирования социальной реальности и институтов.

Как известно, религиозные верования, главным образом конфуцианство, обладают сильными детерминационными возможностями на конституирование темпоральности в анализируемой стране, а также существенным образом окрашивают моральные нормы этого традиционного общества [Якупов, 2013]. Следует напомнить, что живший в период гражданских коллизий Конфуций в первую очередь указывал на ценности воспитания и образования человека. Его система, в которой можно найти классическое пятичастное деление философского знания придавала огромную роль ритуализированности всех без исключения срезом и сфер общественной жизни. Явный «этический перекося», свойственный конфуцианской концепции, способствовал формированию фреймов по поводу того, что мораль и основанные на ней действия человека определяют его судьбу и тем самым место в социуме – и здесь прослеживается явный практико-ориентированный характер всей древневосточной мысли. Историки философии считают, что согласно конфуцианству intersubjective взаимодействия должны быть структурированы, в то время как коммуниканты априори следуют сценариям выбранных ими социальных ролей [Сергеев, 2011]. В очередной раз не будет лишним сказать, что поведенческие паттерны китайцев, как, впрочем и индусов, и целого ряда других восточных народов, действия которых укоренены в древней философии, опираются на многовековые традиции: «Коммуникативная культура Китая опирается на конфуцианские и даосистские этические принципы, согласно которым мудрый человек должен жить по ритуалам и правилам, жить достойно» [Селезнева, 2022].

Примечательно, что в контексте социальных отношений и связей личностное начало субъекта не играет столь первостепенной роли, поэтому в китайском государстве взаимодействующим между собой индивидам предписано проявлять определенный баланс, для чего необходимо уравнивать и сдерживать проявление эмоций. Другим аспектом является недопустимость демонстративного поведения, будь то владение теми или иными благами, а то и вовсе спланированное регулярное выпячивание своих преимуществ перед другими, чему необходимо следовать даже в риторике – так в действии находят свое воплощение сформированные в эпоху территориальной раздробленности Китая этические начала коммуникации. Вне сомнения, оппозиция индивидуалистическим принципам формируется через обладание индивидами такими качествами, как «дружелюбие, готовность помочь ближнему, терпимость, сдержанность, такт и учтивость - весь этот набор конфуцианских добродетелей способствует утверждению гармонии в обществе и делает правильное “лицо”, это фетиш китайцев» [Руженцева, Ван, 2016, 33].

Вообще китайские интеллектуалы в большинстве своем направляли свои теоретизирования на достижение и поддержание традиционного иерархизированного общества, в чем зачастую вполне справедливо его населению оказываются свойственны «пассивное соблюдение однажды установленных социальных стереотипов ради потенциальной возможности лучшей участи в следующем воплощении» [Здерева, 2006, 113]. Такая вера в рождение чего-то нового

существенным образом ослабляет значение смерти, интерпретации и толкования которой связаны скорее с транзитом к последующей форме бытия, но никоим образом не достижением индивидами конечной точки.

Традиционализм китайского общества фундирован множественными идеями, операционализация ключевых понятий которых позволяет понять ценность древности. Идеал саморазвития, представленный в культуре, связан с приближением к образу древних мудрецов, в целом, для китайцев характерна идеализация излишне классических и архаичных для многих обществ современности ценностей. Китайская культура утверждает цикличность времени, «миф о вечном возвращении», «процесс круговых изменений мира, осуществляющихся по одному и тому же постоянно повторяющемуся сценарию» [Дугин, 2011].

Коллективистский дух Китая, пропитывающий социальное бытие, подчеркивает чрезвычайную значимость межсубъектных практик самого различного уровня и контактирования с другими проживающими в этом обществе индивидами, тем самым иерархируя взаимодействия и усиливая коммуникативные основания институтов [История Китая, 2002]. Также дополнительную дисциплину, порядок и управляемость социальной системы гарантирует ритуал, распространяющийся на интересубъективные отношения, вследствие чего им становятся присущи гармония, прогнозируемость и человечность.

Культурфилософский анализ позволяет выявить еще одну важную свойственную китайцам черту, которой является «сдержанность». Население Поднебесной де-факто с детства научаются держать свое мнение при себе, приносить возможность высказывания собственного неудовольствия в жертву – и все это ради достижения общего согласия и гармонии [Чен, 2009, 201]. Стало быть помыслить об открытых дискуссиях и обмене мнениями в противодействие властным акторам не представляется возможным. По сути, повышенный уровень зависимости индивидов между собой, от целых групп и даже от общественного мнения нивелируют потенции на отдельный внутренний мир и формулирование и последующее транслирование самостоятельных оценок, причем безотносительно – к истории в целом или даже отдельной ситуации. Таким образом, правильные практики должны быть конгруэнтны неким традиционным ритуалам, пусть и не всегда адаптированным под современные реалии, и подходить под различные критерии «приемлемости», когда поведение регулируется преимущественно этическими нормами, но не правовыми инструментами.

Философское осмысление китайской культуры позволяет нам говорить о ее прямой принадлежности к реактивному типу, для которых характерны интроверсия; умение слушать и слышать, а лишь потом осуществлять какие-то действия – вот логически выверенная последовательность, в соответствии с алгоритмами которой китайцы оценивают экстраполяцию своего поведения на общество в целом, но никак не замыкают свою активность на личностном или узкогрупповом уровне.

Итак, цикличность восприятия времени и высокая сосредоточенность на внутреннем мире при одновременном снижении его ценности не могли не оказать влияние на формировании и функционировании социальных установлений. В частности, следует констатировать весьма слабый уровень развития института частной собственности. Любопытно, что в период раздробленности Древнего Китая он являл собой некий прототип средневековой Европы с ее аристократией, вассалами, наследственным землевладением и другими атрибутами [Малявин, 2001]. Преодоление состояние раздробленности в послевоенный между территориями период позволило создать централизованное государство, правда, за счет упразднения частной

собственности [Якупов, 2013, 35].

Усиление роли чиновников и господство государственной собственности закономерным образом подмывали идейные основания потенциальной демократии, но, к примеру, со временем привели к росту коррумпированности. Говоря другими словами, невзирая на априорную обращенность к прошлому, идеалам саморазвития Китая не чужды проблемы, связанные с материальным обогащением и богатством как таковым. Более того, следует признать, что если сегодня наблюдаемая до недавних пор существенная роль религиозных верований все-таки снижается, то всесилие чиновничества, обусловленное господством государственной собственности при возрожденном институте частной, все еще остается важнейшим фактором, который так или иначе затрудняет развитие современного Китая [Якупов, 2013, 35-37].

Под влиянием особенностей исторического развития, обращенности в прошлое формируются в стране и политико-правовые институты. В частности, несмотря на провозглашение курса на демократизацию общества, реальные политические силы народовластия в этой стране отсутствуют, сохраняя монополию компартии на власть с идеализированным образом лидера. По сути, сменяемость власти в том понимании, которое вкладывают в это понятие представители либеральной мысли, отсутствует. Существующая институциональная архитектура также может отражать актуализацию опыта прошлого, существовавшего на протяжении тысячелетий института престолонаследия, а также многочисленных военных конфликтов, которые вели претенденты между собой. Неудивительно, что анализ сложившейся ситуации свидетельствует, что при институциональном строительстве Китайской Республики был учтен травмирующий опыт прошлого, а отсутствие реальных выборных процедур может рассматриваться как единственное средство сохранения стабильности социального порядка или вовсе в качестве средства предотвращения военных конфликтов. Кроме этого, формирование институтов происходит с учетом конструирующей иерархичности и ритуализированности уже упомянутых конфуцианских идей, предписывающих населению нормы покорности, уважения младшими старших, нижестоящими вышестоящим и т. д.

Заключение

В заключение первой части исследования, говоря о влиянии цикличной темпоральности Китая на формирование институциональной архитектуры, на первый план выходит обращенность в прошлое: институты формируются под влиянием накопленного (пусть и травмирующего) опыта, то есть структуры могут создаваться вовсе не для того, чтобы стало лучше, но в качестве альтернативы предупреждающей худшие варианты, чтобы, например, не повторялись трагические события, которые неоднократно происходили в многотысячной истории страны. На протяжении веков существующий в условиях чиновничьего всесия китайский народ научился отграничиваться от внешнего давления при помощи смещения акцента собственного внимания на внутренний мир, на внутреннюю свободу и самосовершенствование, направленное на приближение к образу выдающихся мудрецов прошлого. В целом, институтам китайского общества отводится не ведущая роль в процессах регуляции поведения личности; также ведущие места не принадлежат и праву, но морали, то есть не внешним по отношению к личности, но внутренним регуляторам.

Библиография

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: в 3 т. Т. 3. Время мира. – М.: Прогресс, 1992. 679 с.
2. Головашина О. В. Концептуализация социальной темпоральности: объектно-ориентированный подход: автореф. д-ра филос. наук. – Тамбов, 2020. — 46 с.
3. Головашина О. В. Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем// Философия и общество. – 2016. – № 3. – С. 42-56.
4. Дискин И. Е. Институты: загадка и судьба. — М.: РОССПЭН, 2016. — 302 с.
5. Дугин А.Г. Социология русского общества. Россия между Хаосом и Логосом. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. – 583 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://4pt.su/ru/content/социология-русского-общества>
6. Здерера О. В. Время как субстанциональная основа качества общесоциального бытия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – № 4 (44). – С. 110-116.
7. История Китая. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 736 с.
8. Кастельс М.В. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
9. Малявин В. В. Китайская цивилизация. – 2011. – 627 с.
10. Мангейм К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – с. 7-276.
11. Михайлов И. Ф. Когнитивные основания социальности: дисс. д-ра философ. наук. — Москва, 2021. — 340 с.
12. Панов П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. — М.: РОССПЭН, — 2011. — 230 с.
13. Равочкин Н.Н., Гилязов Р.Ш., Щенников В.П. Влияние пандемии COVID-19 на изменения темпоральности и социальности: социально-философский анализ // Социодинамика. – 2021. – № 4. – С. 119-135.
14. Руженцева Н. Б. Китайское и русское обиходно-бытовое и деловое общение: формулы речевого этикета // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 10. – С. 31-37.
15. Селезнева Г. Я. Контрастивное описание китайского и русского вербального коммуникативного поведения. 2022. [Электронный ресурс]. – URL: zavantag.com/docs/427/index-20i7082.html#page9
16. Сергеев Д. «По ту сторону баррикад» в переговорах с китайцами // Магазета: издание о Китае и китайском языке. 08.07.2011.
17. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.
18. Тищенко П.Д. «Время убивать, и время врачевать»: человек в ситуации пандемии COVID-19 // Человек. – 2020. – Т. 31. – № 6. – С. 31-49.
19. Тоффлер Э. Предисловие к книге Пригожина И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
20. Фатенков А.Н. Эффективность как ложный ориентир развития общества? // Социологические исследования. – 2018. – № 7. – С. 135-145.
21. Чен М.-Дж. Китайский бизнес изнутри: практическое пособие по выстраиванию деловых отношений с китайскими партнерами. – М.: Эксмо, 2009. – 282 с.
22. Чугунова, С. А. Ландшафт времени в различных культурах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 75. – С. 57-64.
23. Шевченко С.Ю., Давыдик О.И., Ильюшенко Н.С., Петров К.А. Рассинхронизация публичного и частного: трансформации биокапитализма в контексте пандемии // Человек. – 2020. – Т. 31. – № 6. – С. 50-67.
24. Шпилов А. В. Возвращение домой. Заметки из самоизоляции// Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 135-144.
25. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Образ и действительность. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 656 с.
26. Шульман Е.М. Придется договариваться. Почему у горожанина будущего будут спрашивать про все // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? – М.: Strelka, 2017. – С. 30-47.
27. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1500 с.
28. Элиас Н. Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 366 с.
29. Якупов С. Ф. Менталитет и социальные институты как факторы прогресса: на примере китайской цивилизации // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. – № 13 (304). – С. 33-40.
30. Muzzetto L. Time and Meaning in Alfred Schutz // Time & Society. – 2006. – № 15. – pp. 5-31.
31. Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Evanston. Evanston, IL : Northwestern University Press, 1967. – 255 p.
32. Schutz A., Luckmann T. The Structures of the Life-world. Vol. I. Evanston, IL : Northwestern University Press, 1973. – 335 p.

The influence of temporality on the functioning of social institutions in the realities of the modern world: philosophical analysis (part 1)

Nikita N. Ravochkin

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy, 650056, 5, Markovtseva Street, Kemerovo, Russian Federation; Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University T.F. Gorbachev University, 650000, 28, Vesennaya Street, Kemerovo, Russian Federation; @mail.ru

Sergei V. Maksimov

Doctor of philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy department, Siberian Federal University, 660041, 79, Svobodniy prospect, Krasnoyarsk, Russian Federation; e-mail: marxserge@mail.ru

Aleksandr V. Mlechko

Doctor of philological sciences, associate professor, professor of Russian philology and journalism department, Volgograd State University 400062, 100, University prospect, Volgograd, Russian Federation; e-mail: mlechko@mail.ru

Natal'ya A. Stenina

Candidate of technical sciences, associate professor, dean of Engineering faculty, Kuzbass State Agricultural Academy, 650056, 5, Markovtseva Street, Kemerovo, Russian Federation; e-mail: stnat33@mail.ru

Roman A. Yur'ev

Candidate of philosophical sciences, associate professor, associate professor of History of philosophy and logic department, National Research Tomsk State University, 634050, 36, Lenina prospect, Tomsk, Russian Federation; e-mail: yuriev2003@mail.ru

Abstract

The article examines the influence of temporality on the functioning of social institutions in modern empirical contexts. The prerequisites and grounds for a sharp transition to a new perception of time are revealed. The relationship between the construction of the social and temporality is demonstrated. The different nature of the flow of time in the world regions is argued. It is proposed to focus on the features of institutional building depending on the type of temporality. The specificity of the deterministic influence of Chinese cyclicity on the processes of social construction is analyzed. Examples are given of how the focus on the past, which is characteristic of Chinese society, and the ideas that function in the intellectual space create specific contours of institutional architectonics.

For citation

Ravochkin N.N., Maksimov S.V., Mlechko A.V., Stenina N.A., Yur'ev R.A. (2023) Vliyanie temporal'nosti na funktsionirovanie sotsial'nykh institutov v realiyakh sovremennogo mira: filosofskii analiz (chast' 1) [The influence of temporality on the functioning of social institutions in the realities of the modern world: philosophical analysis (part 1)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 312-324. DOI: 10.34670/AR.2023.39.15.040

Keywords

Temporality, society, institution, interactions, culture.

References

1. Braudel F. (1992) Material civilization, economy and capitalism, XV-XVIII centuries: in 3 Volumes. Vol. 3. Time of peace. Moscow: Progress.
2. Golovashina O. V. (2020) Conceptualization of social temporality: an object-oriented approach: abstract of Dr. Phil. Sciences diss. Tambov.
3. Golovashina O. V. (2016) Temporality in social studies: the construction of time and time. *Philosophy and society*, 3, pp. 42-56.
4. Diskin I.E. (2016) Institutions: Mystery and Destiny. Moscow: ROSSPEN.
5. Dugin A.G. (2011) Sociology of Russian society. Russia between Chaos and Logos. Moscow: Academic Project; Gaudeamus. [E-source]. URL: <http://4pt.su/ru/content/социология-русского-общества>
6. Zdereva O.V. (2006) Time as a substantial basis of the quality of social life. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 4 (44), pp. 110-116.
7. History of China (2002) Moscow: MSU Publishing House.
8. Castells M.V. (2016) The power of communication. Moscow: Ed. home of the Higher School of Economics.
9. Malyavin V. V. (2011) Chinese civilization.
10. Mannheim K. (1994) Ideology and utopia. Diagnosis of our time. Moscow: Lawyer. pp. 7-276.
11. Mikhailov I. F. (2021) Cognitive foundations of sociality: diss. Dr. Phil. Sciences. Moscow.
12. Panov P.V. (2011) Institutions, Identities, Practices: A Theoretical Model of Political Order. Moscow: ROSSPEN.
13. Ravochkin N.N., Gilyazov R.Sh., Shchennikov V.P. (2021) The Impact of the COVID-19 Pandemic on Changes in Temporality and Sociality: A Socio-Philosophical Analysis. *Sociodynamics*, 4, pp. 119 - 135.
14. Ruzhentseva N. B. (2016) Chinese and Russian everyday and business communication: speech etiquette formulas. *Pedagogical education in Russia*, 10, pp. 31-37.
15. Selezneva G. Y. (2022) Contrastive description of Chinese and Russian verbal communicative behavior. [E-source]. URL: zavantag.com/docs/427/index-20i7082.htmlPpage9
16. Sergeev D. (2011) "Beyond the barricades" in negotiations with the Chinese. *Magazeta: edition about China and the Chinese language*.
17. Smirnova N.M. (2009) Social phenomenology in the study of modern society. Moscow: Kanon+, ROOI "Rehabilitation".
18. Tishchenko P.D. (2020) "A time to kill and a time to heal": a person in a situation of the COVID-19 pandemic. *Human*,

Vol. 31, 6, pp. 31–49.

19. Toffler E. (1986) Preface to the book by Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos. A new dialogue between man and nature. Moscow: Progress.
20. Fatenkov A.N. (2018) Efficiency as a false benchmark for the development of society? *Sociological research*, 7, pp. 135–145.
21. Chen M.-J. (2009) Inside Chinese Business: A Practical Guide to Building Business Relationships with Chinese Partners. Moscow: ЭКСМО.
22. Chugunova S. A. (2008) Landscape of time in different cultures. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, 75, pp. 57-64.
23. Shevchenko S.Yu., Davydik O.I., Ilyushenko N.S., Petrov K.A. (2020) Desynchronization of Public and Private: Transformations of Biocapitalism in the Context of a Pandemic. *Human*, Vol. 31, 6, pp. 50–67.
24. Shipilov A.V. (2020) Homecoming. Notes from self-isolation. *Sociological research*, 8, pp. 135-144.
25. Spengler O. (1998) Decline of Europe: Essays on the morphology of world history. Volume 1. Image and reality. Minsk.: Popurri.
26. Shulman E.M. (2017) We'll have to negotiate. Why will the city dweller of the future be asked about everything in City dweller: what do we know about the inhabitant of a big city? – Moscow.: Strelka. pp. 30-47.
27. Schutz A. (2004) Selected papers: A world glowing with meaning. Moscow: ROSSPEN.
28. Elias N. (2002) Court society. Moscow: Languages of Slavic Culture.
29. Yakupov S. F. (2013) Mentality and social institutions as factors of progress: on the example of Chinese civilization. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 13 (304), pp. 33-40.
30. Muzzetto L. (2006) Time and Meaning in Alfred Schutz // *Time & Society*, 15, pp. 5-31.
31. Schutz A. (1967) The Phenomenology of the Social World. Evanston. Evanston, IL : Northwestern University Press.
32. Schutz A., Luckmann T. (1973) The Structures of the Life-world. Vol. I. Evanston, IL : Northwestern University Press.